

черноморских и кубанских казаков в период освоения региона и выявить отличительные черты современной казачьей формы. В книге содержатся карты, дающие представление о маршрутах первых казаков-поселенцев в Черноморье и Кубани, о территории «Старой» и «Новой» линий, о движениях войск в годы Гражданской и Великой Отечественной войн и др.

Издание адресовано широкому кругу читателей не только нашей страны, но и ближнего

и дальнего зарубежья, где чтят и сохраняют традиции предков.

**Ю.А. Стецура, доктор исторических наук
(Армавирская государственная
педагогическая академия)**

Примечания

¹ *Шербина Ф.А.* История Кубанского казачьего войска. Т. 1. Екатеринодар, 1910. С. 420–421.

² *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. М., 1997. С. 523.

Л.И. Бородкин, Т.Я. Валетов, Ю.Б. Смирнова, И.В. Шильникова. «Не рублем единым»: Трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М.: РОССПЭН, 2010. 532 с.

События последних десятилетий заставляют переосмыслить становление и развитие капиталистических отношений в России на рубеже XIX–XX вв. Этому способствует и рецензируемая коллективная монография – итог многолетней работы, выполненной под научным руководством профессора Л.И. Бородкина на кафедре Исторической информатики МГУ им. М.В. Ломоносова. В ней подробно изучен механизм стимулирования труда рабочих-текстильщиков на фабриках Товарищества мануфактур Н.И. Коншина в Серпухове (Московская губ.) и Большой Ярославской мануфактуры, примерно равных по объему производства и числу рабочих (около 10 тыс. на каждой). Они входили в ряд ведущих предприятий хлопчатобумажной отрасли, которые, вместе взятые, давали свыше $\frac{2}{3}$ суммы валового производства. В ходе ускоренной индустриализации здесь складывалась практика мотивации труда, характерная именно для крупных заводов (с. 45).

Работа Л.И. Бородкина, Т.Я. Валетова, Ю.Б. Смирновой и И.В. Шильниковой осуществлялась в рамках российско-голландского научного проекта и была основана на подходах, предложенных для изучения наемного труда рядом зарубежных историков и социологов¹. Хорошо документированное новое исследование сдвигает с привычной колеи, казалось бы, застывшие подходы в изучении положения рабочих на фабриках дореволюционной России. Система стимулирования их труда до этого мало рассматривалась в литературе. Стремясь показать все ее противоречия, авторы книги как бы распуывают старый клубок представлений и образов, сложившихся при освещении истории рабочего класса. При этом они используют современный понятийный аппарат: «мотив» (внутренняя потребность

человека работать качественно), «стимул» (мера, применяемая предпринимателями для формирования мотива), «мотивация труда» (желание трудиться). Авторы анализируют три категории, связанные с поведением квалифицированных рабочих на производстве – «побуждение», «вознаграждение» и «принуждение» (с. 6), и ставят перед собой задачу выявить «не лежащие на поверхности», «не осязаемые» механизмы стимулирования и мотивации труда кадровых рабочих XIX – начала XX в. Признавая ценность российской историографии, авторы с особым вниманием отнеслись к работам, в которых ранее прямо или опосредованно освещались трудовые стимулы и побуждения рабочих императорской России (с. 15–42). Одновременно они вели целенаправленный поиск неизвестных источников, вводя в научный оборот практические не изученные фонды местных фабричных архивов. Материалы, извлеченные ими из более чем 350 архивных дел, приближают читателя к заводской повседневности, к голосу рабочего. Рабочие оставили мало воспоминаний, да и те в основном писались в советское время, когда требовались «идеологические выдержанные» мемуаристы. Сохранив историю производства, фабричная документация указывает на дифференциацию наемной рабочей силы и помогает разобраться в том, что удерживало рабочего на данном предприятии, какие стимулы способствовали производительности труда, какое значение придавали стимулированию труда работодатели. Книга содержит 55 приложений: здесь и новые документы, и десятки рисунков, графиков, статистических таблиц. В них представлены параметры и объемы производства мануфактур Коншина и Большой Ярославской мануфактуры: общая численность рабочих с 1871 г. по 1915 г., их сословное происхождение

ние, распределение по специальностям, полу, возрасту и т.д. вплоть до числа рабочих-подписчиков в народных библиотеках. Авторами собраны данные о средней величине номинальной и реальной заработной платы по рабочим специальностям, о разнице в оплате труда грамотных и неграмотных рабочих-мужчин. Показаны динамика прибавок к зарплате и возможностей ее сокращения в связи с различными видами нарушений и наказаний, а также сравнительная динамика цен на продукты питания в фабричных и городских лавках, торговый оборот основных продуктов питания, направление медицинской помощи, стоимость ее содержания на фабрике. В книге имеются таблицы расходов фабрик на жилые помещения для рабочих разных категорий, на содержание бань и проч. Статистика несчастных случаев приводится вместе со сведениями о «вознаграждении» пострадавших, о пенсиях, ежемесячных пособиях рабочим из штрафного капитала и т.д. Таблицы дают возможность сопоставить содержание жалоб рабочих в Московской и Ярославской губ. и сравнить их с претензиями к предпринимателям в других районах России.

Книга начинается с возникновения в начале XX в. условий для появления на текстильном производстве рабочих новой формации, сознающих важность добросовестного, честного труда, желающих гордиться его результатом и пользоваться уважением в обществе. Конечно, на крупных фабриках, о которых идет речь в монографии, это были относительно немногочисленные категории рабочих, но именно на них рассчитывали предприниматели, заинтересованные в развитии своих мануфактур.

Специальный очерк посвящен особенностям организации фабрик в текстильной отрасли, а также общей характеристике рабочей силы. Авторы устанавливают реальную численность текстильщиков в различные годы, определяют их состав и профессии, выясняют постоянство их труда. При этом они отмечают низкий процент «отходников» среди квалифицированных рабочих (уже в 1880-е гг. их было всего 3%). Динамика валовой и чистой прибыли мануфактур за 20 лет, представленная в виде таблицы, дает представление о «допустимой щедрости» фабрики – ее возможностях выделять средства для ежегодного стимулирования труда (с. 377–378). В книге впервые обращено внимание на многие важные документы, регулировавшие фабричную жизнь. К их числу относятся и «Правила внутреннего распорядка», представляющие фабрику «живым организмом», развивавшимся по своим собственным законам (с. 379–392). Так, в одном из пунктов «Правил» говорится, что в

1891 г. у Коншиных «фабрика работает четыре дня в неделю, а если нужно и остальные, причем за каждый нерабочий день из шести уплачивается половина заработка» (с. 379). Анализ прописанных в «Правилах» условий работы позволяет «услышать» диалоги работодателей и рабочих. Пожалуй, следовало бы лишь четче указывать, в чем именно заключалось стимулирование труда в том или ином случае.

Новейшие методы промышленного производства с трудом усваивались аграрным обществом. Ломались вековые устои, бывший крестьянин, ставший рабочим, должен был приспособливаться к новым обстоятельствам, в одиночку договариваться с хозяином-капиталистом и добиваться улучшения условий своего существования. Тем не менее, как подчеркивают авторы, сама разработка трудовых стимулов свидетельствовала о том, что капитализм мог побеждать в условиях свободной конкуренции с устаревшими формами организации производства, традиционными представлениями о труде и крестьянским менталитетом. В книге показан процесс привлечения и закрепления кадрового рабочего на фабрике с помощью лучшей оплаты труда и более развитой социальной инфраструктуры (с. 136–160). Для того чтобы заинтересовать квалифицированного рабочего, ему платили не временное двухнедельное «жалование», как большинству рабочих фабрики, а месячную заработную плату (притом с индексацией заработка). Она заметно различалась у рабочих разных профессий и должностей, у мужчин и женщин, у взрослых мужчин, подростков и малолетних (с. 397–424). Как отмечают авторы, в России различия в оплате труда людей одной профессии или категории были больше, чем в Европе и Америке, поскольку здесь было сложнее найти квалифицированных, грамотных рабочих (с. 129). О бытовой стороне их жизни можно судить по данным о ежегодном прожиточном минимуме в городах с 1898 г. по 1913 г. При этом приведенные в книге цифры фиксируют не номинальную, а реальную заработную плату рабочих с учетом индекса цен в районах расположения фабрик.

В одной из глав рассмотрены все виды штрафов и наказаний за недобросовестный труд и другие проступки на производстве (с. 136–146). Кстати, любопытно было бы специально исследовать, как они воспринимались рабочими. Среди приложений приводится страница из фабричной книги, в которой указывались нарушения производственной дисциплины, являвшиеся причиной увольнений (с. 450). Нельзя не согласиться с авторами в том, что штрафы после закона 3 июня 1886 г.

вопреки мнению революционной печати уже нельзя рассматривать как «обдираловку» в пользу работодателя, поскольку эти средства шли на пособия рабочим. Впрочем, к началу XX в. они составляли весьма незначительную часть (0.1%) от средней зарплаты (с. 358) и не играли заметной роли в улучшении материального положения рабочих (с. 138–139). В денежных взысканиях авторы видят также возможность скрытой компенсации за убытки, связанные с нарушением ритма работы на фабрике, хотя не совсем ясно, как именно это на практике реализовывалось?

Конечно, «не рублем единым» жил квалифицированный рабочий в царской России, и все же среди других стимулов рубль у него был на первом месте. В требованиях рабочих в трудовых конфликтах на первом месте всегда стояла оплата труда. Заработок, денежные надбавки текстильщики ценили выше собственного здоровья, соглашаясь терпеть даже большую продолжительность рабочего дня (с. 60–61, 75–76). Однако существовали и иные способы стимулирования труда рабочих: организация медицинского обслуживания, пенсии по старости, страхование, пособия и кредиты, улучшение жилищных условий, выдача ссуд на приобретение жилья. К 1917 г. текстильные города Центральной России обрастали улицами маленьких домиков, построенных рабочими по деревенскому образцу (с. 161–300). Создавая на фабрике школы и тратя деньги на организацию досуга (с. 301–330), фабриканты рассчитывали как на повышение продуктивности труда более образованных рабочих, так и на их «умиротворение» (с. 322). Постепенно расширявшаяся система стимулирования труда дополняла издавна существовавший патерналистский тип отношений рабочих и предпринимателей. Возникла почва для компромиссов, позволявших сглаживать конфликты и избегать остановки производства. Не случайно хроника рабочего движения констатирует, что у Коншиных за полвека (1869–1916 гг.) произошло лишь полтора десятка непродолжительных экономических стачек, а у Карзинкиных – всего 11 за 33 года (1883–1916 гг.) (с. 522–532).

Изучение трудовых стимулов отчасти объясняет, почему на рубеже XIX–XX вв. было довольно много «молчавших» рабочих. Даже во время подъема стачечного движения забастовщиков ежегодно насчитывалось не более 8–10% от общего числа рабочих в стране. Во многих «частичных» стачках активно участвовали только рабочие одной мастерской

или цеха, а не всего предприятия². Действительно, «вхождение» рабочих в стачку нельзя понять без «пошагового» рассмотрения развития конфликта и анализа всей полноты фабричной документации, включая как требования рабочих, так и ответы на них фабричной администрации, содержание которых, к сожалению, анализируется редко. Вместе с тем не следует забывать, что хотя ориентация на трудовые стимулы соответствовала модернизации производства, его развитие происходило в атмосфере социальной напряженности, сохранявшейся во всей стране. И даже на «благополучной» Большой Ярославской мануфактуре за рабочими следило «до сорока городских» (с. 338).

Рецензируемая книга доказывает самодостаточность истории как науки о жизни людей прошлого. Представляя рабочих и предпринимателей дореволюционной России в ранее практически неизвестном ракурсе, она подтверждает и то, что, несмотря на большое количество исследований, посвященных рабочему классу, его изучение по-прежнему актуально и еще далеко не завершено. Кроме того, знание трудовых стимулов, привлекавших рабочих начала XX в., важно и для понимания деятельности фабрично-заводской администрации в советское время.

И.М. Пушкарева,
доктор исторических наук
(Институт российской истории РАН)

Примечания

¹ Проект «Мотивация труда в российской промышленности» (1861–2000 гг.): вознаграждение, побуждение и принуждение» возник на рубеже XX–XXI вв. после появления работ: *Tilly, Charles and Chris. Work under Capitalism, Oxford, 1998; Луксен Я. Мотивация труда в исторической перспективе: некоторые предварительные заметки по терминологии и принципам классификации // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 193–205; Ван дер Линден М. Мотивация труда в российской промышленности: некоторые предварительные суждения // Там же. С. 206–218. При решении своих исследовательских задач авторы успешно сочетают методы макроэкономики и микроистории (case study).*

² *Пушкарева И.М. Новый комплекс источников о рабочем движении в дореволюционной России: «Рабочее движение в России. 1985–1917 гг. Хроника» // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 600.*